

Вадим Дамье: Новая книга по истории анархистского движения
Vadim Damier (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A new book on the history of the Anarchist movement

DOI: 10.31857/S2949124X23060093, **EDN:** NSJTUO

Российский анархизм как общественно-политическое движение и идейное направление не обделён вниманием исследователей. Это и неудивительно,

---

¹ Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. М.: Родина, 2019. 704 с.

² Анархистские движения России и Русского зарубежья: документы и материалы. 1922–1941 гг. / Сост. и отв. ред. Д.И. Рублёв. М., 2021 (Сер. «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие»).

³ Шелохаев В.В. Многопартийность в России в начале XX века. М., 2023.

учитывая то место, которое он занимал в бурной социальной жизни, особенно на протяжении последних полутора веков. Исследователи из России, Белоруссии, Украины периодически выпускают книги и статьи по различным аспектам его истории⁴. Проводились и проводятся российские и международные научные конференции, к примеру, в рамках «Свято-Троицких чтений» в Санкт-Петербурге, «Кропоткинских чтений» в Дмитрове или «Прямухинских чтений» в селе Прямухино, на родине М.А. Бакунина.

Отечественные и зарубежные авторы периодически предпринимали попытки написать обобщающие труды по истории анархистского движения и анархистской мысли в России и СССР. Но большого, фундаментального исследования, в котором бы детально анализировались извилистые перипетии пройденного сложного пути, до сих пор не было. Так, П. Аврич⁵ в своей работе использовал лишь источники из зарубежных архивов, мемуары, материалы периодической печати и интервью, взятые у проживавших в США эмигрантов. Добраться до советских архивов ему не удалось. Работы В.В. Комина и С.Н. Канева⁶, написанные в советскую эпоху, ограничены жёсткими идеологическими рамками. Для обобщающих трудов по истории российского анархизма В.Д. Ермакова⁷ характерен преимущественный интерес к разработке отдельных сторон, моментов и аспектов движения. Книга безвременно ушедшего В.В. Кривенького⁸ осталась, по существу, незавершённым исследованием — особенно в том, что касается периода после 1917 г. П.И. Талеров довёл свою обобщающую работу до 1920-х гг.: его интересовал в первую очередь «классический анархизм»⁹...

Следующий шаг в изучении истории российского анархизма сделал Д.И. Рублёв. Он попытался построить своё исследование на более широкой источниковой базе, а также обобщил материалы многочисленных исследований, раскрывающих различные аспекты теории анархизма и деятельности анархистских организаций. Особенно стоит отметить его внимание к научным работам, которые посвящены региональной истории движения.

Рублёв рассматривает российский анархизм начала XX в. как явление, возникшее в условиях и на фоне происходившей в России ускоренной индустриально-капиталистической модернизации. Эта точка зрения вполне логична в историческом контексте и помогает понять как место российского анархизма в мировом движении, так и его размах. Известно, что наиболее мас-

---

⁴ Среди наиболее масштабных трудов по истории российского анархизма см., например: Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб., 2015; Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX — конец XX веков). СПб., 1996; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: История и современность. СПб., 1997; Ермаков В.Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. СПб., 2018; Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М., 2018; Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е — 1920-е гг. СПб., 2016; Савченко В.А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр.: історичний аспект та політична практика. Київ, 2017.

⁵ Avrich P. The Russian anarchists. Princeton, 1967.

⁶ Колин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969; Канев С.Н. Революция и анархизм: из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма 1840–1917 гг. М., 1987.

⁷ См.: Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты...; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России...

⁸ Кривенький В.В. Анархистское движение в России...

⁹ Талеров П.И. Классический анархизм...

совые и мощные либертарные движения чаще всего возникали и действовали в странах, переживавших ускоренный переход от доиндустриального общества к индустриальному, что порождало своеобразный умственный, психологический и ценностный настрой. В нём сочетались элементы «старого» и «нового» — сохранение общинных традиций коллективизма, взаимопомощи и автономии с неприятием эффектов капиталистического строя. Неудивительно, что автор книги внимательно присматривается к тем традициям, которые облегчали восприятие анархистских идей и представлений российскими крестьянами и рабочими: он даёт обзор «протоанархистских» тенденций в русском сектантстве XVII—XIX вв. и антиэтатистских, близких анархизму идей в русской общественной мысли XIX в.

Источниковая база исследования включает как архивные, так и опубликованные источники. Прежде всего это материалы центральных (ГА РФ, РГАСПИ, РГАЛИ), ведомственных (ЦА ФСБ), московских (ЦГА Москвы и ЦГАМО) и Санкт-петербургских (ЦГА СПб, ЦГАИПД СПб, ЦГАЛИ СПб) архивов. Используются документы фондов российских анархистов-эмигрантов, хранящиеся в архиве Международного института социальной истории (Амстердам) и архиве Мичиганского университета. Многие материалы впервые введены в научный оборот. Большое внимание Рублёв уделяет периодической печати, изданным материалам съездов и конференций анархистских организаций, брошюрам и книгам теоретиков анархистского движения. Достаточно подробно использованы воспоминания и переписка участников движения, а также других очевидцев событий.

Одной из трудностей, которые так или иначе приходилось учитывать и преодолевать автору, стала, несомненно, идейная неоднородность российского анархизма. Вероятно, следовало бы даже вести речь не об «анархистской идеологии» как чём-то общем, а скорее — о целом архипелаге идей, теорий, концепций. Тем не менее Рублёв пытается выделить центральное направление анархистской идеологии — концепт, определявший её эволюцию на протяжении первой половины XX в., первоначально в России, а затем — в рамках анархистского сегмента Русского зарубежья. Он пришёл к вполне обоснованному выводу, что наибольшую популярность среди участников анархистского движения приобрёл синтез анархо-коммунистической программы преобразований со стратегией борьбы, ориентированной на участие в массовых социальных движениях. Фактически речь шла о постепенно сформировавшемся синтезе идей Бакунина и Кропоткина. Не игнорируя другие анархистские течения эпохи, автор показывает их маргинальный характер.

Рублёв пересматривает устоявшиеся в историографии взгляды на такое общественно-политическое течение, как толстовство. Он пришёл к выводу, что толстовство как комплекс идей хотя и пересекалось с анархизмом, но не укладывалось в его рамки. Иногда взаимодействуя с анархистами, толстовские организации не были интегрированы в их движение, развиваясь самостоятельно. В действительности многие толстовцы разделяли «экстархистскую» позицию, рассматривая себя как «внегосударственников», предпочитавших жить в рамках государства свободными сообществами и не пытаясь ниспровергнуть государственный строй. Самостоятельным явлением, пересекавшимся с анархизмом в различных аспектах, но требующим отдельного рассмотрения, автор считает и разного рода богемно-индивидуалистические течения.

В книге показано, как менялось соотношение между различными течениями анархистской мысли и анархистского движения в различные периоды времени. Особенно сложная, разветвлённая и текучая картина складывалась в эпоху Великой российской революции 1917–1921 гг., когда формировались общероссийские политические организации анархистов. При этом часто в состав одного объединения входили представители различных течений анархизма. Так, среди членов Московской федерации анархистских групп (МФАГ) в 1917–1918 гг. можно обнаружить анархистов-коммунистов, анархистов-индивидуалистов, анархо-синдикалистов и пананархистов. Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат» придерживалась своеобразной концепции «единого анархизма», представлявшей собой синтез анархического индивидуализма, анархического коммунизма и анархо-синдикализма. Такая же ситуация прослеживается на примере многих общероссийских и особенно региональных организаций.

Анализ организационного строительства анархистов – одно из важных направлений работы автора. Особенно пристальное внимание Рублёв уделяет объединениям, действовавшим во время Великой российской революции. Впервые в историографии он анализирует программные и тактические принципы, структуру и основные направления деятельности МФАГ, Всероссийской федерации анархистской молодёжи, Московского союза анархистов-синдикалистов-коммунистов, Московского союза анархистов, анархо-синдикалистских организаций.

Достоинством книги можно считать то, что в неё включены социально-психологические портреты лидеров движения: И.М. Гейцмана, Я.-В.К. Махайского, М.Г. Никифоровой, С.М. Романова, В.Н. Черкезова и др. Возможно, однако, следовало бы представить и наиболее яркие биографии рядовых активистов движения.

Разумеется, читателю интересно знать не только о том, какие организации и группы существовали и как они представляли будущее развитие общества, но и о том, что они делали. Российский анархизм, как показывает автор книги, отнюдь не был тем сборищем мечтателей-идеалистов, какими нередко воспринимают сторонников безвластия. Это было реальное общественно-политическое движение, которое активно участвовало в бурных исторических событиях, зачастую играя в них весьма важную роль. Рублёв характеризует усилия анархистов по организации забастовок, их место в деятельности ведущих рабочих организаций (Советы, фабрично-заводские комитеты и профсоюзы), в работе кооперативов, в агитации среди военнослужащих и моряков. Особое внимание уделено, конечно же, участию анархистов в крестьянских повстанческих движениях времён Гражданской войны – в первую очередь, Махновщине и Роговщине.

Важным следует считать анализ тех социальных преобразований, которые анархисты пытались проводить в районах, на время оказавшихся под их контролем. Опираясь на работы исследователей из регионов, Рублёв разбирает политический курс анархистов, оказавшихся в разные периоды 1917–1921 гг. «у руля» власти в ряде уездов Центральной России, Сибири и Украины. В ситуации отсутствия у них опоры в виде массовых либертарных союзов трудящихся такого масштаба, какие возникли, к примеру, в Испании (в виде анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда), не имея ни предреволюционного опыта конструктивной работы, ни, наконец, времени для

того, чтобы донести до большинства рабочих и крестьян осознание анархистской альтернативы¹⁰, российские анархисты должны были довольствоваться ролью радикального меньшинства. В резко и быстро менявшихся условиях им зачастую приходилось принимать решения, не вполне соответствовавшие их собственным идеалам.

Рублёв приводит многочисленные факты и примеры социализации анархистами предприятий промышленности, транспорта и добычи природных ресурсов на Украине и в Сибири. Он анализирует деятельность кооперативов, созданных сторонниками анархизма. Но особенно интересен и важен вопрос об экспроприации особняков московскими анархистами осенью 1917 – весной 1918 г. с целью создания социально-культурных центров: этот сюжет раскрыт с использованием уникальных документов из московских архивов. Историк удалось убедительно опровергнуть многие распространённые мифы о «захвате зданий», включая тезис о бандитском характере этих действий, ответственности анархистских организаций за грабежи и широкой инфильтрации в их ряды белогвардейцев.

Периодизация истории анархистского движения России увязана с важными историческими событиями, оказавшими решающее влияние на изменение политической позиции, формирование тактики и стратегии движения. Особенно подробно и детально книга освещает события периода Первой мировой войны и Великой российской революции, а также деятельность анархистов в 1920–1930-х гг. Так, на основе широкого круга источников (следственные дела, воспоминания, доклады политических деятелей и чиновников, листовки, периодическая печать) автор детально реконструирует деятельность петроградских анархистов во время правительственного кризиса в июне–июле 1917 г.

Для послереволюционного времени Рублёв выделяет два этапа развития анархистского движения. Первый – 1922–1953 гг., связанный с его ликвидацией в сочетании с попытками ведения анархистами подпольной и легальной деятельности. Возможно, что этот период стоило бы разделить ещё на несколько отрезков. Как отмечает сам автор, легальные анархистские организации были ликвидированы к концу 1920-х гг., а активная деятельность подполья продолжалась до середины, максимум – до конца 1930-х гг. После этого анархистское движение прекратило организованное существование, и можно говорить скорее об индивидуальной борьбе его отдельных представителей.

История этой борьбы известна нам пока лишь в виде отрывочных эпизодов. Здесь исследователям предстоит кропотливые поиски в региональных и ведомственных архивах. Существуют свидетельства иностранцев, находившихся в советских лагерях в 1940-х гг., о том, что им встречались среди заключённых и анархисты, причём не только старые ветераны, но и молодые¹¹. Кем они были? Думается, историки ещё дадут ответ на этот вопрос.

Следующий этап истории российского анархизма приходится на 1953–1986 гг. Анархисты, уцелевшие в тюрьмах и ссылках, пытались участвовать в общественно-политической борьбе в СССР. В 1960-х – первой половине 1980-х гг. появились оппозиционные молодёжные кружки, в той или иной степени разделявшие и пропагандировавшие некоторые идеи анархизма. Весьма

¹⁰ См.: Дамье В.В. Стальной век: Социальная история советского общества. М., 2013. С. 36–37.

¹¹ См., например, воспоминания бывшего испанского республиканского военачальника-коммуниста В. Гонсалеса («Эль Кампесино») о его пребывании в советских лагерях: *González V. («El Campesino»). La vida y muerte en la U.R.S.S. Buenos Aires, 1951. P. 129.*

часто имел место синтез этих идей с установками марксизма, течения «новых левых», контркультурного пацифизма хиппи. Прямой идейной и организационной преемственности с анархистами прошлого эти группы уже не имели. Их возникновение было связано с совершенно иными условиями и принципиально иной социальной средой: с нарастанием протестных настроений среди советской молодёжи, особенно студентов и учащихся, часто — представителей контркультуры.

Отдельная, во многом новаторская глава книги посвящена истории анархистской эмиграции в 1922–1953 гг. Высылка и отъезд за границу теоретиков и организаторов анархистского движения в 1922–1923 гг. привели к активизации издательской и агитационно-пропагандистской деятельности за рубежом уже действовавших к этому времени русскоязычных организаций анархистов. Первоначально они поддерживали связи с единомышленниками, работавшими на территории СССР, и даже пытались оказывать им помощь. Но к концу 1920-х гг., по мере разгрома групп внутри страны и пресечения советскими спецслужбами любых каналов связи, усиливалась изоляция эмигрантских организаций анархистов. В 1930–1960-х гг. их деятельность проходила уже вне связи с действующим на территории СССР анархистским движением. Одновременно возрастала вовлечённость анархистской эмиграции в политическую жизнь стран Европы и Америки. Постепенно анархистские эмигранты один за другим уходили из жизни, издания прекращались. Традиционный российский анархизм вымирал и в эмиграции.

В период перестройки и затем в современной России снова появились организации и группы, объявляющие себя анархистскими. Автор в сжатом и обзорном виде упоминает о них в последней главе книги. Он отделяет современный российский анархизм от изучаемого им явления. Возрождение движения действительно было связано с совершенно иным социально-экономическим и социокультурным контекстом. Кризис позднего СССР вызвал среди молодых анархистов интерес, скорее, к идеям рыночного социализма, прудонизма, индивидуализма и анархо-капитализма, нежели к анархо-коммунистической традиции, которая преобладала в начале XX в. Подобные тенденции можно проследить в идеологии наиболее крупных анархистских организаций конца 1980-х — начала 1990-х гг. — Конфедерации анархо-синдикалистов и Ассоциации движений анархистов. В 1990-х гг. произошёл отход от анархизма подавляющего большинства его сторонников. Анархо-коммунистическое и анархо-синдикалистское течение в современной России (например, Конфедерация революционных анархо-синдикалистов) до известной степени претендует на «традиционность», но и оно в большой степени опирается на идеи, сформулированные и развитые в мировом анархистском движении уже после разгрома «старого» российского анархизма. Наконец, появляются новые течения анархизма, такие как экоанархизм или анархо-феминизм, связанные с совершенно новой социальной проблематикой и не «пересекающиеся» с идейными традициями прошлых лет. Социальная база «нового» российского анархизма также отличается от той, на которую опиралось исследуемое автором движение. Теперь это уже не рабочие, а молодая интеллигенция и контркультурная молодёжь.

Но несмотря на это, некоторую идейную преемственность проследить всё же можно. Так, наряду с современными европейскими и американскими публицистами, российские анархисты часто обращаются к идейному наследию

Бакунина и Кропоткина, а также продолжателей анархистской традиции — П.А. Аршинова, В.М. Волина, Н.И. Махно. Поэтому всё же резко разделять «старый» и «новый» анархизм нельзя, и автор книги сам это признаёт. А значит, ему следовало бы, вероятно, подробнее рассказать об анархистском движении в позднем СССР и современной России.

Безусловно, в рамках одной монографии, пусть даже более чем 700-страничной, невозможно дать полный обзор всех аспектов теории и истории российского анархизма. В силу этого целый ряд аспектов проблемы представлен фрагментарно или иллюстративно. Это в первую очередь касается вопроса о влиянии анархистских идей на творчество тех или иных литературно-художественных течений. Конечно, стоило бы более подробно показать связь анархистского движения России с единомышленниками в других странах мира. Это помогло бы понять роль, которую сыграли отечественные либертарианцы в становлении международного анархо-синдикализма и в развитии анархистского движения во Франции, США, Аргентине, Уругвае и т.д.

Несмотря на фундаментальный характер работы, её чтение подчас затруднено обилием имён и названий. Стоит пожалеть об отсутствии именного, тематического и географического указателей, а также сводного списка источников и литературы. Думается, не помешала бы и своеобразная «органограмма» — схема развития организаций и групп российского анархизма, хотя бы в самом общем виде. В тексте заметны серьёзные ошибки редактора и фактическое отсутствие корректорской работы. К сожалению, в наше время это — «общее место» в работе многих издательств. Остаётся надеяться, что при возможном переиздании книги эти недостатки будут исправлены. А пока — пожелаю читателю с интересом и удовольствием прочитать книгу Д.И. Рублёва. Она этого заслуживает!